

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Действующий УПК РФ ввел значительное число изменений по сравнению с ранее действовавшим законодательством. Это вызвало в науке волну работ по пересмотру и переоценке ряда традиционных положений процесса. Одной из ключевых, наиболее существенных новелл стало закрепление в законе принципа состязательности сторон. В свете данного принципа многие институты уголовного процесса выглядят совсем по-иному, особенно это касается судебных стадий. Существенной новеллой нового УПК является низведение непосредственности из числа принципов процесса, как считали многие исследователи¹, до общего условия судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ). Однако с момента принятия УПК РФ-2001 не было проведено сколь-либо серьезных исследований, напрямую посвященных непосредственности судебного разбирательства. Между тем представляет большой интерес вопрос о том, что есть непосредственность судебного разбирательства и каково ее содержание в свете принципа состязательности сторон.

В первую очередь требует ответа вопрос о том, является ли непосредственность судебного разбирательства принципом уголовного процесса. Большая группа ученых склоняется к тому, что непосредственность судебного разбирательства не принцип, а всего лишь «общее условие» судебного разбирательства, то есть положение хотя и содержащее в себе основополагающие идеи, выражающее уровень развития общественного сознания и характер сложившихся общественных отношений по привлечению лиц к уголовной ответственности, сущность процесса или отдельных его стадий, но все же не обладающее универсальностью по отношению ко всей процедуре уголовного процесса². (Хотя утверждение о том, что непосредственность не относится ко всем стадиям процесса, можно поставить под сомнение. Достаточно вспомнить, что суд является участником процесса и на досудебных стадиях, когда встает вопрос об обжаловании действий (и бездействия) органов предварительного расследования (ст. 125 УПК РФ), о даче разрешения на производ-

* © Макеенков И.А., 2007

Макеенков Иван Александрович – аспирант, Самарский государственный университет

ство некоторых следственных действий (ст. 165 УПК РФ), о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста (ст. 107, 108 УПК РФ). Применяется ли непосредственность судебного разбирательства в производствах такого рода — вопрос очень мало изученный.) К тому же сторонники точки зрения, согласно которой непосредственность судебного разбирательства принципом не является, чаще всего ссылаются на закон, который (глава 2 УПК РФ) дал исчерпывающий перечень принципов, и непосредственность туда не входит.

Однако некоторые ученые придерживаются противоположной точки зрения, согласно которой принцип права есть основополагающие мировоззренческие идеи, сформулированные в доктринальных источниках и выражающие сущность права в целом, или отдельных его отраслей, или даже отдельных стадий процесса. Учитывая такое понимание принципа уголовного процесса, сторонники данной точки зрения среди принципов судебного разбирательства выделяют принцип непосредственности и устности судебного разбирательства³.

По нашему мнению, данный спор проистекает не от различного понимания важности и значимости непосредственности судебного разбирательства, а из-за различий в понимании категории «принцип уголовного процесса», а значит, не может быть разрешен только лишь изучением непосредственности и не имеет к непосредственности прямого отношения. Дело в том, что никто не отрицает важного значения непосредственности, в том числе и те, кто считает ее общим условием судебного разбирательства.

Следующей особенностью непосредственности судебного разбирательства является то, что она, на наш взгляд, включает в себя два аспекта: непосредственность исследования судом доказательств и непосредственность общения суда со сторонами. Уголовно-процессуальный закон содержит лишь указание на первый из упомянутых аспектов (заметим, что УПК РСФСР также упоминал непосредственность лишь в смысле непосредственного исследования судом доказательств), однако в науке уголовного процесса разработано именно такое, более широкое, понимание непосредственности. Поэтому наличие этих двух аспектов нами не ставится под сомнение.

По прямому смыслу закона (ст. 240 УПК РФ) непосредственность исследования доказательств представляет собой обязанность суда в судебном заседании непосредственно заслушать показания подсудимого, потерпевшего, заключение эксперта, свидетеля, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и другие документы, произвес-

ти другие судебные действия по исследованию доказательств. Оглашение ранее данных показаний допускается лишь в некоторых случаях, перечень которых носит закрытый характер. В основу приговора не могут быть положены доказательства, не исследованные в судебном заседании (ст. 240 УПК РФ).

Непосредственности же общения со сторонами в советской уголовно-процессуальной науке не придавалось такое же значение, как непосредственности исследования доказательств. Однако с введением принципа состязательности сторон непосредственность общения со сторонами приобретает не меньшее, а может быть, и большее значение, чем непосредственность исследования доказательств. Непосредственность общения со сторонами проявляется в обязанности суда установить личность участников процесса (ст. 262, ч. 1 ст. 265 УПК РФ), разъяснить сторонам их права и обязанности, предупредить об ответственности за их невыполнение (ст. 263, 267-270 УПК РФ), выяснить у подсудимого, вручена ли ему копия обвинительного заключения (ч. 2 ст. 265 УПК РФ), разрешить ходатайства, заявленные в судебном заседании (ст. 271 УПК РФ), выслушать прения сторон, последнее слово подсудимого. В нынешнем УПК сужено основание для проведения судебного разбирательства в отсутствие подсудимого без его ходатайства об этом. Так, если по УПК РСФСР для разбирательства дела в отсутствие подсудимого без его ходатайства об этом, если он уклоняется от явки, требовалось установить его нахождение за пределами СССР вне зависимости от категории преступления (п. 1 ст. 246), то в нынешнем УПК это возможно только по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Причем участие защитника в таких случаях обязательно. Все это свидетельствует о повышении важности непосредственности общения суда со сторонами в нынешнем УПК по сравнению с ранее действующим.

Мы считаем, что в современном состязательном процессе отступления от непосредственности исследования доказательств в ограниченных случаях все же возможны, а отступления от непосредственности общения со сторонами не допускаются вообще. Отступление от непосредственности исследования доказательств может быть скомпенсировано согласием («конвенцией») сторон относительно содержания этих доказательств (случаи, когда сторона обвинения вместо предъявления вещественных доказательств ограничивается зачитыванием протоколов их осмотра, а сторона защиты не ходатайствует об их осмотре, полагая, что протоколы составлены верно), а отступления от непосредственности общения со сторонами ничем не могут быть скомпенсированы. Это и понятно, ведь принцип состязательности подразумевает, прежде все-

го, активность сторон в процессе, и поэтому стороны, лишь непосредственно участвуя в процессе, могут выполнять свои основные функции; отступлений здесь не допускается, так как суд не может заменить сторону в выполнении ее функции. Именно этим обусловлены положения о прекращении дела при снятии обвинения (как прокурором и потерпевшим, так и потерпевшим — частным обвинителем), об обязательном отложении дела при неявке обвинителя, подсудимого (или его защитника, если участие защитника обязательно). Само существование института особого порядка судебного разбирательства (Раздел X. УПК РФ, предусматривающий вынесение приговора без исследования доказательств при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением) показывает, что возможно почти полное отступление от непосредственности исследования доказательств (при согласии сторон на это), но отступление от непосредственности общения со сторонами недопустимо.

Возвращаясь к аспектам понятия непосредственности, отметим, что в науке выделяются два понимания непосредственности исследования доказательств⁴. Условно обозначим первое из них «непосредственность как близость к событию преступления», а второе — «непосредственность как близость к источнику доказательственной информации».

Первое подразумевает непосредственность как обязанность суда стремиться в познании дела подойти как можно ближе к событию преступления. Так, например, суд должен не удовлетвориться показаниями свидетеля о свойствах и признаках предмета, являющегося вещественным доказательством по делу, хотя бы показания давались в судебном заседании. Суд, выполняя требование непосредственности, должен истребовать данный предмет у его владельца или обязать соответствующие госорганы установить место нахождения данного предмета. Ведь на каждом этапе передачи информации происходит ее искажение, как умышленное (ложь, «замалчивание», др.), так и неумышленное (передача «своими словами», недопонимание, неправильное отражение, др.). Поэтому суд должен стремиться подобраться как можно ближе к событию преступления, исследовать обстоятельства дела непосредственно (без посредников). Однако естественный ход событий и сам же законодатель ставят предел в таком приближении суда к событию преступления. Во-первых, судебное доказывание — это познание ретроспективное, то есть познающий объективно не может непосредственно воспринимать событие преступления (если так случилось, что преступление произошло на глазах судей, то это является основанием для их отвода (п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК РФ)). То есть уголовный процесс, да и любая другая форма судопроизвод-

ства, построен на невозможности абсолютно непосредственного исследования всех обстоятельств дела.

Второе понимание непосредственности покажем на том же примере. Суд допросил свидетеля о свойствах и признаках предмета, являющегося вещественным доказательством по делу. При этом он добился того, чтобы свидетель был допрошен именно в заседании, с соблюдением процессуальных правил и процедур, в результате чего пришел к выводу о том, что требования непосредственности соблюдены. Суд не задавался вопросом, почему бы просто не осмотреть этот предмет, исключив таким образом один лишний этап искажения информации о преступлении. Согласно данному пониманию, достаточно лишь непосредственно подойти к источнику доказательственной информации вне зависимости от того, насколько далеко этот источник находится от самого события преступления.

Первое понимание непосредственности (наряду со вторым) разрабатывалось в советской уголовно-процессуальной науке достаточно глубоко. Это было связано с наличием в системе принципов процесса принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР), в соответствии с которым обязанности по исследованию обстоятельств дела возлагались в том числе и на суд.

Сейчас, в современном уголовно-процессуальном праве России, такой обязанности на суде не лежит, а, наоборот, введен принцип состязательности сторон, в соответствии с которым суд осуществляет, в качестве основной своей функции, правосудие. Поэтому суд вовсе не стремится как можно ближе подобраться к событию преступления, а исследует только те доказательства, которые ему представили стороны, и оказывает содействие сторонам в собирании дополнительных доказательств. Можно сделать вывод, что второе, более узкое понимание непосредственности характерно для современного процесса России.

Мы думаем, что суд действительно не должен заниматься первичным собиранием доказательств по собственной инициативе, так как обязанность по установлению обстоятельств дела на нем не лежит. И вполне справедливо, что УПК РФ не содержит норм, которые обязывали бы суд собирать первоначальные доказательства вместо представленных стороной производных. Однако следует признать верным тезис, выработанный еще в советской науке, согласно которому при исследовании обстоятельств дела следует стремиться использовать источники доказательственной информации, максимально приближенные к событию преступления. Вот только реализовать этот тезис нужно не за счет обязывания

суда исследовать обстоятельства, а во-первых, возложить эту обязанность на государственные органы, осуществляющие уголовное преследование и публичное обвинение, и, во-вторых, придать больше прав и самостоятельности другим участникам судопроизводства, которые заинтересованы в установлении этих самых обстоятельств (обвиняемый, защитник, потерпевший, представитель потерпевшего, др.).

Теперь коснемся проблем непосредственного исследования доказательств судом. Главой 37 УПК РФ предусмотрено право суда проводить некоторые следственные действия различной степени сложности. При этом суды относительно неплохо справляются с допросами различных участников процесса, что же касается остальных упомянутых следственных действий, то порядок их организации, способы проведения, процедура и количество их участников совершенно не ясны. Следует признать, что законодатель допустил пробел, не урегулировав данные вопросы. Включив в УПК новые положения о возможности производства в судебном заседании следственного эксперимента, предъявления для опознания, освидетельствования, законодатель не прописал, как это делать. Например, кто готовит и проводит следственный эксперимент? Кто и в каком порядке подбирает статистов для проведения опознания? Кто их рассаживает, заводит опознающего? Как проводить опознание в обстановке, когда опознаваемый не должен видеть опознающего? Как проводится опознание труппа? Кто проводит освидетельствование? Поэтому представляет большой интерес вопрос о том, проводятся ли на практике такие следственные действия, если проводятся, то как, кем и в каком порядке. Остались неразрешенными некоторые вопросы о порядке назначения экспертизы в судебном заседании. Должна ли экспертиза проводиться в заседании или в экспертном учреждении? Или суд должен провести заседание в экспертном учреждении? Для экспертизы на предварительном следствии предусмотрено право следователя присутствовать при ее проведении, а как же быть с этим правом при производстве экспертизы в стадии судебного разбирательства?

В свете производства следственных действий в судебном заседании как решить вопрос о сроке судебного разбирательства? Следует ли его ограничить или ограничивать его нельзя? Не нарушит ли нескончаемость судебного разбирательства прав подсудимого? И не нарушит ли ограничение данного срока права потерпевшего на восстановление социальной справедливости?

Подробное рассмотрение непосредственности судебного разбирательства вскрывает большое количество вопросов, которые на сегодняшний

день не находят ответов ни в практике, ни в науке уголовного процесса. По нашему мнению, назрела необходимость провести серьезное научное исследование по данной тематике.

Примечания

¹ Шундигов, В.Д. Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела / В.Д. Шундигов. – Саратов, 1974. – С. 5

² См., например: Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / под ред. Петрухина И.Л. – М., 2006. – С. 64, 444.

³ См., например: Гришин, С.П. Принципы судебного следствия по уголовному делу / С.П. Гришин. – Н.Новгород, 2006. – С. 3, 4, 50.

⁴ Лившиц, В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / В.Я. Лившиц. – М.-Л., 1949. – С. 55-59.

*Р.А. Мунтяну**

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Действующее уголовно-процессуальное законодательство достаточно полно регламентирует особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ). Ответы на ряд неясных вопросов этого производства содержатся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 года № 1 и от 5 декабря 2006 года № 60¹. Вместе с тем практика применения этого института ставит вопросы, требующие всестороннего анализа.

В данной статье попытаемся обозначить и проанализировать некоторые проблемные вопросы применения особого порядка судебного разбирательства, а также предложить варианты их решения.

Одним из таких вопросов является *процедура выяснения позиции потерпевшего относительно возможности рассмотрения уголовного дела в особом порядке.*

* © Мунтяну Р.А., 2007

Мунтяну Роман Александрович – соискатель, Самарский государственный университет